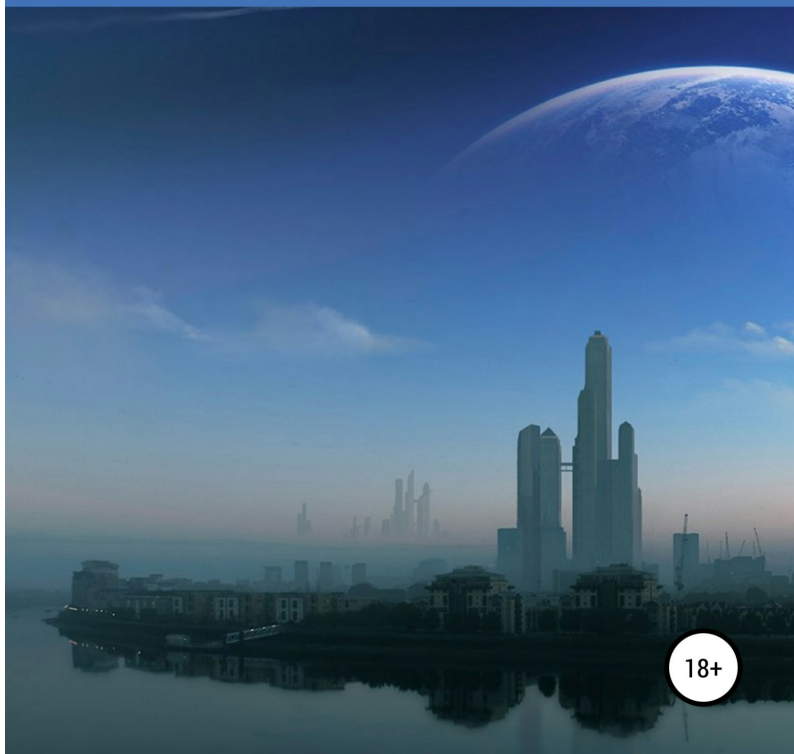

Лавринович Надежда

Милана

Рассказ

18+

Надежда Лавринович Милана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39437838

SelfPub; 2018

Аннотация

Рано лишившись родителей, Милана словно заледенела. Казалось эта девочка утратила чувства, превратилась в куклу, пустышку, иллюзию. Ей думалось, она понимает о себе все и ничто не может ни удивить ее, ни вывести из равновесия. Но была ли она права?

МИЛАНА

Милана училась в мединституте, специальностью выбрала гинекологию, а на жизнь зарабатывала проституцией. Она родилась в Москве и не нуждалась в жилье, что выгодно отличало ее от товарок. Коллеги ее не любили, завидовали и откровенно презирали. Мало того, что этой выскочке не требовалось снимать квартиру одну на шестерых, а то и семейных, так она еще и работала, что называется, по желанию. Милану хорошо знали все окрестные мамки с Ленинградки. Кроме того, она коротко зналась с местными бандитами, ее не обижали, если надо – прикрывали.

Девушка выросла на Скаковой улице, недалеко от центра и чувствовала себя в своем районе как рыба в воде. Она могла бы завести себе влиятельного дружка, и жить припеваючи, не рискуя здоровьем и жизнью, но душа требовала экстрима. Милана жить не могла без острых ощущений. Адреналин требовался ей, как иным требуется наркотик.

Квартира досталась ей после смерти обоих родителей. Мама умерла от рака, а папа после этого стремительно спился. Его сбила машина, когда будучи абсолютно пьяным, он выскочил на Ленинградское шоссе прямо напротив магазина «Ажурный». Произошло это менее чем через год после смерти мамы. Жизнь Миланы сразу же круто изменилась. Она обожала, почти боготворила родителей. Мама работала педиатром, а папа ведущим хирургом в одной из городских

больниц. Девочке на роду было написано стать врачом. Малышку баловали, любили, в доме никогда не происходило ссор, и голоса никто не повышал. Казалось, так будет всегда. Когда маме поставили диагноз, и сообщили что уже ничего нельзя сделать, папа взял отпуск за свой счет. Милане только минуло четырнадцать, но отец сделал ей справку для школы и они всей семьей укатили к морю. Папа предусмотрительно запасся опиатами, самыми разными обезболивающими и они стали жить так, будто ничего не произошло. О болезни не говорили. Папа сам рассчитывал дозу лекарств, мама уходила без страданий, тихо и незаметно. Неотвратимость ее ухода сплотила Милану с отцом, спаяла их в единое целое. Мама засыпала, они сидели, обнявшись, на крыльце под звездами Крымского бездонного неба, и молча плакали, соznавая свое бессилие. Милана повзрослела на целую жизнь, исчезла милая маленькая и трогательная обаяшка, на смену ей явилась взрослая женщина с обгоревшим сердцем. Мамы не стало через три месяца. Милана вернулась в школу, папа в больницу. Жизнь продолжалась, так казалось со стороны. Однако в душах обоих произошли необратимые изменения, им не суждено было больше быть счастливыми. Папа держался очень недолго, ушла женщина его жизни и дочь не смогла бы удержать его от падения в пропасть, даже если бы старалась вдвое больше. А она старалась. Поначалу отец скрывал, он приходил поздно, мрачный и уставший. Запирался в спальне, и Милана не видела его до утра. Она дума-

ла он ищет забвения в работе, но, видимо, работа не помогала. Вскоре он уволился и только пил. Разговоры и просьбы не действовали. Он опустился очень быстро, если не сказать стремительно. Милана перестала узнавать его. Ей нужно было окончить школу, готовиться к поступлению, а дома жил призрак некогда обожаемого отца, утратившего человеческий облик. Она взвалила на себя все, тянула и учебу и дом. Мыла подъезды после школы и перед ней. Готовилась к экзаменам по ночам и не роптала. Душа ее, между тем, съжилась и обратилась в пепел. Она оглохла и ослепла, не осталось никаких чувств, переживаний, эмоций. День сменялся ночью, а ночь неизменно днем.

Потом папы не стало. Ее сердце молчало, оно так переполнилось болью, что она перестала ощущать ее. Глаза ее остались сухими, не упало ни одной слезинки.

Умница Милана окончила школу с красным дипломом и легко поступила в институт с первой попытки. За спиной ее шептались, шипели и сплетничали. Ее осуждали и обсуждали все; и соседи и учителя, и одноклассники. Она получила прозвище «Снежная королева», прекрасно знала об этом и никак не комментировала. То была какая-то редкая аномалия, полная атрофия чувств. Наверное, если бы Милана посетила психолога, он обнаружил бы тяжелейшую депрессию, некоторые отклонения в психике и еще множество всякой всячины. Но Милана не обращалась за помощью. Она жила так, словно родители ее живы-здоровы и уехали в отпуск. С

друзьями она говорила о них в настоящем времени и те из них, кто не жил поблизости, и не учился с ней в одном классе, понятия не имели о драме, приключившейся в ее семье.

Катастрофически не хватало денег, и Милана обратилась за помощью к парню из соседнего дома. Он был старше года на три-четыре, окончил ту же школу, они знали друг друга с детства. Играли в одном дворе, как многие дети окрестных домов. Парень этот поступать не стал, а помогал старшему брату. Брат держал одну из точек, проще говоря, торговал девочками, рядом с метро Динамо. Все произошло очень быстро, без лишних вопросов и проволочек. Милана откровенно и дерзко заявила, что остро нуждается в деньгах, и не имеет моральных принципов, равно как и опыта. Старший брат ее знакомого, звали его Гена, сам взялся научить барышню тонкостям профессии. Он с удовольствием взялся за дело тем же вечером. Стоит отметить, что природа без преувеличения щедро, одарила Милану. Заглядываясь на нее стали рано. Она выросла тонкой как веточка, с нереально узкой талией и при этом обладала полной красивой грудью. Бесконечно длинные ноги ее, отличались стройностью и изяществом. Огромные серые глаза с поволокой, обрамленные густыми пушистыми ресницами. Крупные чувственные губы и мелкий жемчуг зубов. Образ завершали роскошные волосы золотисто-каштанового цвета. Таковую подружку мечтал бы иметь любой. Гена без стеснения ликовал и удивлялся своему везению. Он хотел было придержать нежданную

добычу для себя, но трезво рассудил, что сможет без труда заработать на ней неплохие деньги. Милана поразила его не только внешностью; на поверку девица оказалась холодной как лед, абсолютно не чувствовала боли и тело ее было словно бы немым, безжизненным. Он неоднократно и терпеливо пытался доставить ей удовольствие, но не преуспел. Зато Милана была гибкой и податливой. Она охотно постигала новую для себя науку и радовала учителя несомненными успехами. Вскоре Гена заметил, что Милана, ко всему прочему, начисто лишена брезгливости, и вообще понятия не имеет о том, что это такое. Все вместе поднимало ее ставки очень и очень высоко.

Поскольку Милана училась на гинеколога и отлично разбиралась в женской физиологии, она все про себя знала. То, что случилось в семье, не имело, как это ни странно, непосредственного отношения к ее сексуальной холодности. Все дело было вовсе не психологическом зажиме, а в маленьком лоскутке кожи. Лоскуток этот надежно прикрывал клитор плотным плащом и тем самым не позволял своей обладательнице получать наслаждение от близости. От неудобства помогла бы избавиться простейшая операция, но Милана сознательно отказалась от нее. Раз и навсегда она решила для себя оставаться той самой «Снежной королевой», каковой ее видели все близкие знакомые. Она устраивала себя такой, какой ее создала сама природа. Глубинными мотивами послужило еще и то, что она запретила себе даже мечтать о семье,

о счастье и благодати. Милана не хотела когда-либо пережить нечто сродни тому, что выпало на ее долю в юности. Она как никто понимала хрупкость человеческой жизни и не желала иметь привязанности. Мужчин она хотела лишь использовать, от возможности иметь детей раз и навсегда освободилась, за энную сумму уговорив знакомого врача, нечистого на руку, удалить ей обе трубы. Воротила сей от медицины, практиковал подпольные аборт на поздних сроках и вообще занимался темными делишками. Стоит, тем не менее, отметить, что пациентки его не умирали от кровопотери или сепсиса, он был по-своему талантлив и очень щепетилен. В узких кругах врача хорошо знали, и в случае необходимости обращались, визит стоил баснословных денег, зато ты получал желаемое и гарантию не отправиться на тот свет раньше уготованного срока. Врач купил квартиру в одном из спальных районов Москвы и оборудовал ее под нелегальную клинику. Здесь имелось все, что требовалось, от ультразвука до скальпеля. У него водились и помощники и единомышленники. То были доктора с образованием, не согласные с существующим положением вещей. Они придерживались теории о том, что женщина вправе распоряжаться собой, своим телом и плодом, как пожелает и когда пожелает. Пусть даже женщина эта неоперившаяся девчонка, а плод уже начал шевелиться. Абортивный материал использовали в каких-то неясных туманных целях, ничто не пропадало даром. В то время Милана сомнений не ведала, о чистоплотности врачей

не задумывалась, ей необходима была гарантия, и чтоб без осечек. Чародей не стал ее долго отговаривать, разубеждать и грозить, сделал свое дело аккуратно и чисто, о материнстве можно было забыть раз и навсегда. Годы спустя, она не раз возвращалась в тот день и мечтала переиграть содеянное, но пути назад не осталось. Можно было лишь бесконечно и бессмысленно сожалеть, проклинать себя за недалёковидность и нелюбовь к себе.

В опытные руки Геннадия она попала, едва окончив школу. Милана взяла от него все мыслимое и немыслимое и, хотя у нее не было необходимости стоять на дороге, время от времени ее все же можно было заметить среди других девушек на обочине. Милана любила пощекотать себе нервы, она получала какое-то извращенное пряное удовольствие, опускаясь на самое дно. Не смотря на то, что Гена исправно подыскивал для нее презентабельных толстосумов, и она посещала самые дорогие рестораны и клубы Москвы, Милана неизменно навещала Ленинградку. Гена вскоре перестал обращать на это внимание, лишь пожимая плечами. Она всегда удивляла его. В ней был какой-то надрыв, нечто, что отличало ее от всех знакомых женщин. Он не лез к ней в душу, но видел что грязь к ней не липнет, она не превращается в дешую курву, а опыт придает ей некий лоск. Таких, подобных, он никогда еще не видывал. Парень был почти влюблен. Но чувствовал холод, от нее исходивший и держался на расстоянии. Милана жила в доме 18А по Скаковой улице. В том

же доме, на углу, располагался ОВД БЕГОВОЙ. Разумеется, ментам было известно, чем занимается одна из жительниц этого дома. Особенно пристальное внимание ей уделял подполковник милиции Птицын Валерий Дмитриевич. Он был толст, лысоват, еще молод, лет тридцати семи-деяти и жаден до баб. Птицын страстно любил проституток за безотказность и молчание. Он был немного садист и потому его побаивались. Когда перед отделением выстраивали шеренгу девочек для услады чинов, Птицын долго и тщательно выбирал себе жертву. Многие плакали после проведенных с ним двух-трех часов. А ведь это были в основном опытные уличные бляди, которых ничем не проймешь, не напугаешь, такого насмотрелись, натерпелись, что куда уж больше. Иногда Милана наблюдала со своего балкона за тем, как привозят и выстраивают девочек. Случалось это не так уж и часто. Менты беспредельничать обожали, но так часто, как хотели, возможности не имели. Примерно раз в месяц случался «субботник». Девки об этом знали, так повелось давным-давно и во всех районах города. Милана неторопливо курила, и уходила к себе на теплую кухню. Страдания знакомых милашек ее ничуть не трогали, как не трогали собственные. С Птицыным ей пришлось впервые столкнуться сразу после того, как погиб отец. Тогда она была юной девой, школьницей, неискушенной и неиспорченной. Только несколько лет спустя она вспомнила и поняла его взгляд, скользнувший по ней с интересом. Тогда она жила с Геной и уже научилась разбирать-

ся, что к чему. Птицын не знал еще, чем занимается красавица, живущая рядом с отделением. Глядя на нее, никому не пришло бы в голову ассоциировать девушку с пороком. А через некоторое время Птицын глазам своим не поверил, когда увидел чаровницу в традиционной шеренге блядей. Стоит ли говорить, что именно так и состоялось их близкое знакомство. Птицын шалел от новой знакомой. Он почувствовал в ней то необъяснимое, что позволило ему звонить ей после работы и в выходные. Он отчетливо понял в какой-то момент, что она не откажет и вовсе не потому, что обязана или боится. Как животное он чуял запах своей женщины, той самой, которую так и не сумел обрести. Милане же нравилось ходить по тонкому льду, нравилось ощущение опасности, а Птицын был, несомненно, опасен. Оба они балансировали на грани, каждый по-своему и подходили друг другу как половины одного целого. Он звонил ей и сообщал что на сборы у нее десять минут, не более. Если Милана оказывалась дома, весь ее вечер без остатка по умолчанию принадлежал Лерочке. Так она стала называть Птицына. Ее больше не привозили на «субботники», подполковник об этом позаботился, хотя Милана не просила его. У них установились какие-то странные, извращенные, больные отношения. Об отношениях этих никто из их окружения не догадывался, а сами они их не обсуждали. Мучительная и вместе с тем сладкая, эта связь длилась годы. Со временем они стали близкими друг другу людьми, их больше не связывал только

секс. Наигравшись, много позже, они начали доверять друг другу и превратились в нечто вроде друзей. А поначалу к приходу Лерочки ей надлежало раздеться догола, накинуть лишь легкий, полупрозрачный пеньюар и в таком виде открыть ему дверь. Он любил вытащить, вытолкать ее на лестницу и хорошенько облапать прямо там, догадываясь о том, что к «глазкам» прилипли соседи; любопытные старушки и старики, что они ругаются и плюются, это его заводило. Он знал также, что ни за какие коврижки соседи шоу не пропустят, и непременно обозначал свое приближение громким разговором по мобильному. Милане было все равно. Она не стыдилась своего поведения и не интересовалась мнением о себе, по большей части, оно было хорошо ей известно.

Потешив затаивших дыхание зрителей непристойным действием, Лерочка пинал Милану в квартиру. Обычно он желал ужинать, и обязательно при условии, чтобы Милана его кротко и предупредительно обслуживала. Он материл ее, бил посуду, крепко выпивал, рыгал и сморкался. Насытившись, Птицын усаживал девушку на колени, и принимался долго и нудно жаловаться на жизнь. Он рассказывал о дуре жене, о невыносимой стерве теще, болване тесте и детях обормотах. Как это часто случается, Птицын был образцовым семьянином. Скорее всего тот Птицын, которого знала Милана, не мог присниться его домочадцам и в кошмарном сне. В обязанности визави входило сочувствовать, поддакивать и задавать наводящие вопросы, которые давали Лерочке

возможность убедиться – его внимательно слушают и сопереживают. После монолога Лерочка грубо стогнал Милану с колен и спускал штаны. Мылся он редко, занятие это явно не уважал и оттого неизменно резко отвратительно вонял. Сам он принюхался, амбре не замечал, и искренне собой гордился. Достоинство его было темного кофейного окраса и весьма весома, густые волосы в паху сваялись и торчали неряшливыми клочками. Он заставлял Милану обстоятельно, не торопясь, вылизывать себя со всех сторон. Девушка приноровала набирать побольше слюны и потихоньку спускать ее тонкой струйкой по подбородку, а когда подполковник становился почти стерилен, она незаметно вытирала лицо о его несвежие штаны. Он стонал, крепко прижимал ее голову к слоновьим бедрам и обильно кончал ей в рот. Однако заканчивался только первый акт спектакля. Птицын, не смотря на солидный возраст не мальчика, но мужа, был ненасытен. В перерывах подполковник пил водку, смачно закусывал, смотрел новости и кому-то неустанно звонил, чтобы наорать, отчитать, построить нерадивых подчиненных. Восстановившись, орел заваливал Милану на кровать, и начиналось второе действие. На этот раз значительно более продолжительное. Изрядно нарезавшись, Лерочка долго не мог кончить и мучил Милану иногда по часу и дольше. Он поворачивал ее и так, и эдак, сажал на себя верхом и ставил в позу собаки. Милана терпеливо сносила все, не жаловалась, не скулила, не просила отпустить ее. Она сама толком не по-

нимала, что именно испытывает к Лерочке и испытывает ли хоть что-то. Будь она другим человеком, Лерочка никогда бы не стал частью ее жизни, но поскольку Милана отличалась от большинства женщин, подполковник Птицын нашел в ее лице настоящий клад. Однако и сама Милана обрела нечто, чего не смог бы предложить, пожалуй, никто другой. Кроме того, она ведь не просто так привела подполковника в дом, они нуждались друг в друге. Каждый из них имел червоточину. Они дарили друг другу то, о чем обычно не решаются попросить у близких, да и вообще у кого бы то ни было. У Миланы дорогих людей не было, и она имела полное право распоряжаться собой по собственному усмотрению. Она думала о своем и как будто не замечала того, что с ней происходит. «Королева» словно бы исследовала саму себя, нащупывала, как далеко она сможет зайти, где грань, за которую она не сумеет переступить и существует ли она. Случалось, Птицын, так и не сумев кончить, избивал ее. Бил холодно, четко, профессионально, не оставляя следов. Он таскал ее по всей квартире, валял, не позволял подняться. Милана никогда не плакала, и это распяляло его еще больше, ввергало в раж. Устав, Лерочка надевал штаны и уходил. Конечно, он не платил. Но Милана все же отличалась для него от всех остальных, и Птицын частенько приносил ей полные пакеты продуктов. Там имелась и икра, и красная рыба, и тигровые креветки, и экзотические фрукты. Он покупал ей дорогое спиртное и ставил в бар. Лерочка любил прийти к ней хозяи-

ном и налить себе свой любимый коньяк или водку. Лерочка по-своему привязался к Милане и уже не представлял себя без этих посещений, без той молчаливой жестокой игры, что они оба охотно вели. Через несколько месяцев он стал приходить только к ней, не размениваясь на других проституток.

Подполковник знал, что Милана не собиралась бросать опасное ремесло, но именно ему удалось уговорить ее не выходить на шоссе. Милана встречалась с проверенными толстосумами, ничем не рискуя. Получая от Лерочки, то, что искала, Милана легко на это согласилась. Она стала вести почти светскую жизнь, не разбрасываясь на мелочь. Милана не нуждалась в деньгах и могла позволить себе многое из того, о чем ее приятели и сокурсники могли только мечтать. Барышня хорошо одевалась и ездила на дорогой машине. Друзья уверены были, что родители ее поддерживают и балуют. Окончив институт, Милана устроилась на работу в центр репродукции. Она унаследовала от родителей любовь к профессии, но полностью работе не отдалась. Трудилась на полставки года три, чтобы не терять квалификацию. Ее бурная ночная жизнь не давала возможности погрузиться в повседневную, при свете дня. Милана твердо решила, что после тридцати она завяжет с проституцией и полностью посвятит себя медицине. Так она и поступила, оставаясь почти верной данному себе обещанию. Время от времени она все еще с кем-то встречалась, но то были единицы, для денег и для тонуса. В ее жизни так и не появился единственный, она

не полюбила никого, даже на полшага не приблизившись к чему-то настоящему, живому и теплomu. Встречались мужчины, связь с которыми длилась годами. Некоторые наезжали в Москву очень редко и звонили ей с целью приятно провести время. Как правило, это были пожилые состоятельные отцы семейств, с которыми Милана столкнулась еще на заре ночной «карьеры». Она чем-то зацепила однажды и вошла в их жизнь, а вернее в ту ее часть, где не было дома и семьи. Командировка, одинокие вечера и тоска по приключениям, но в то же время боязнь нарваться на аферистку. Милана гарантировала не только чудный вечер или несколько, но и кристальную порядочность и честность. Она сумела прекрасно зарекомендовать себя, и клиент мог не опасаться за свой кошелек и здоровье. В свои тридцать шесть она была безусловно хороша. Время почти не тронуло прекрасных черт, возраст выдавали отнюдь не морщины, но взгляд, глаза. Глаза Миланы были глазами пожилой женщины, много повидавшей и пережившей на своем веку. Они создавали странный, дикий и резкий контраст со свежим лицом, упругой кожей и всем обликом в целом. Милана регулярно посещала салоны красоты, пристально следила за собой, но с глазами ей не смог бы помочь даже самый опытный косметолог или пластический хирург. Милана трижды в неделю посещала бассейн и тренажерный зал, она прилагала все усилия для поддержания формы. Мужчины платили ей хорошие деньги за опыт, за красоту, за виртуозность исполнения, их не

интересовали нюансы. Часто бывало, молодые начинающие девицы проигрывали ей и если клиент мечтал о чем-то особенном, то Геннадий всегда обращался именно к Милане. В случае необходимости она и разговор могла поддержать, и развлечь. За годы работы Милана приобрела высокий статус и могла позволить себе выбирать. Геннадий, ее неизменный «представитель», хорошо изучив ее вкусы и предпочтения, уже не дергал ее по пустякам, звонил, только если попадался кто-то стоящий.

Все вроде бы складывалось в ее жизни не так уж и плохо, но чем старше становилась Милана, тем сильнее ее мучили мысли о детях. Она гнала их, смеялась над собой, издевалась, но мысли неотвратимо возвращались, вползали будто змеи. Она понимала, что хочет стать матерью, что готова, но все откладывала решение этой проблемы на неопределенное время. В ее случае выход был один – усыновление, об этом нужно было обстоятельно поразмыслить. Милана сердилась на себя за слабость, но время шло, и она менялась помимо воли. Снежная королева повзрослела и начала таять, обнаруживая вполне человеческие черты и потребности. Очень медленно, но неотвратимо протекал процесс трансформации. Милана уверена была, что нутро ее – выжженная степь, но оказалось в ней осталось немного живого тепла и его хотелось кому-то подарить. У нее был материальный достаток, любимая работа, но вокруг пустота.

Периодически дома у нее собирались друзья. Однажды

один из приятелей привел с собой подружку. Они только познакомились, и он хотел похвастать друзьям. Девушку звали Варя, ей исполнилось всего восемнадцать. Варя была застенчивой, свежей как утренний цветок и очень милостивой. Она постоянно краснела и смущалась, явно чувствовала себя неловко в компании взрослых тетей и дядей. Милана внимательно и с удовольствием наблюдала за ней. В ее представлении именно такой и должна быть юная пташка. Милана видела в ней себя, такую, какой ей не суждено было стать. Сердце ее сжималось от непривычной щемящей и неуместной нежности. Что-то давно забытое, потерянное шевельнулось в ее обезображенной душе. Она ясно сознавала, что приятель не видит в диве того, что должно. С цинизмом, свойственным многим мужчинам, а врачам в особенности, он видел в Варе лишь самку, у которой будет первым. Он поглядывал на нее плотоядно, разве что не облизывался, представляя, как вскрыет ее. Именно так он именовал сей нехитрый процесс. Он «вскрывал» девчонок как консервные банки. Предпочитал сей приятель обязательно девственниц, безошибочно угадывая их за версту. Варе же, наивной, полной иллюзий, казалось, он смотрит влюбленно. В силу молодости и неопытности она не могла заподозрить этого взрослого красивого мужчину в поверхностности и пренебрежении. Она жалась к нему, словно бы в поисках защиты. Милана знала, что дома его ждет жена, что это не первая девственница им околдованная. Раньше ее это ничуть не трога-

ло, хотя она ведала и то, что деятель этот не был внимателен и аккуратен. Напротив, он славился грубостью и резкостью, партнерш не уважал и нисколько не жалел. Его обходительность испарялась тотчас же, стоило девушке оказаться с ним наедине в интимной обстановке. Одному богу известно, сколько душевно искалеченных, разочарованных женщин он выпустил в мир. Милана не испытывала к ним сострадания, нет, она считала что каждый за себя. Если написано девице на роду повстречать такого вот уroda, то ничего уже с этим не поделаешь. Значит для чего-то это нужно. Жизнь любит сильных, слабые ломаются и бесславно погибают. Он, можно сказать, специализировался на девственницах. Сценарий был почти всегда один и тот же с небольшими отклонениями. Сладострастник знакомился с милой молоденькой девочкой, непременно провинциалкой, приехавшей поступать. Смеясь, он говорил, что чувствует их запах еще до того, как увидит.; легко и непринужденно знакомился, окружал вниманием, говорил комплименты, буквально не давал опомниться. Осечек не случалось. Он был, вне всякого сомнения, привлекателен, умел ухаживать и устоять перед ним молодой глупышке без опыта возможным не представлялось. Женщина взрослая, скорее всего, раскусила бы его за пару минут, но, то был не его конек. Опытные, бывалые дамы в возрасте его не интересовали. Он с удовольствием дружил с женщинами, шутил, балагурил, чувствовал себя комфортно, но хотел он исключительно молоденьких и неиспорченных.

Конечно же, многие его осуждали, но кто без изъяна?

Интерес его быстро угасал, он без церемоний прощался с юной подругой, чтобы немедленно приступить к поискам новой.

Варю ждала та же участь, и несложно было предугадать, что девушка будет страдать по-настоящему. Милана словно уже сейчас видела печаль, поджидающую ее. Варя была явно не из тех, кто сдается при первой встрече. С ней предстояло хорошенько поработать, завоевать ее, убедить в своей благонадежности, в чистоте намерений. Возможно, ее воспитывала бабушка, прививала ей представления о том, как должно быть. Милана неплохо разбиралась в людях и могла рассказать о Варе немало, совсем не зная ее. Пусть она и влюблена как кошка, воспитание не позволит ей кинуться в омут сломя голову. А тот, кому суждено разбить ей сердце, постарается и сделает все, чтобы она отдалась. Милана наблюдала за ней и думала, что в том случае, если Варя выстоит, не сломается, то встреча эта даже пойдет ей на пользу; заставит скорее повзрослеть. Ну а если рана окажется слишком глубокой, что ж, так тому и быть. В любом случае все идет своим чередом и не следует вмешиваться.

Она вскоре забыла о Варе. Жизнь продолжалась, пока однажды, несколько месяцев спустя после той вечеринки, в дверь не позвонили. Стояла поздняя ночь, ноябрь, за окном буйствовал ветер, Милана спала. Первой ее мыслью было, что явился Птицын. Иногда он как будто забывал позвонить.

Пытался контролировать ее. Случалось, закатывал ей что-то вроде сцен ревности. Он давно уже считал Милану чуть ли не собственностью, требовал отчета о ее жизни. Он объяснял это заботой, дружеским интересом. Не исключено что подполковник, теперь уже отставник, и правда волновался за нее. В противном случае он вел бы себя иначе. Милана открыто потешалась над ним, напоминала ему о своем и его возрасте и говорила, что все эти игрища следует оставить в прошлом. У Птицына имелся вполне успешный строительный бизнес, слыл он человеком солидным, но суть оставалась прежней. Он соглашался, а потом снова лез в ее жизнь без приглашений и церемоний. Так повелось, и они оба знали – так и будет и впредь. Однако на сей раз то был не Птицын.

На пороге стояла продрогшая Варя. Она дрожала и плакала. Только включив свет и усадив ее на кухне, Милана заметила, что девушка беременна. Срока был месяцев шесть, не меньше. Принесла нелегкая! Милана щедро плеснула себе коньяка и поставила чайник. Вопросы не задавала, ждала, пока гостя разговорится сама. Некоторое время Варя горестно всхлипывала и Милана начала раздражаться. Прежде всего, она никак не могла понять, почему эта девица притащилась именно к ней?! Разве похожа она на мать Терезу?! Что произошло, она и так сразу сообразила, тут объяснений не требовалось. Как и следовало ожидать, Вареньку послали, да еще и с пузом. Кое-как успокоившись, Варя объясни-

да, что понятия не имеет что теперь делать и пришла потому, что Милана гинеколог и могла бы помочь. До последнего негодяй обещал развестись, морочил ей голову, а теперь ни одна клиника не берется делать аборт. Милана курила в форточку и молчала. Ей не было жаль Варю, она испытывала брезгливость и досаду на то, что вынуждена выслушивать совершенно чужую дурочку среди ночи, а вставать в шесть утра. Однако в душе ее вдруг помимо воли что-то шевельнулось, какое-то смутное предчувствие, оно не покидало, а лишь росло, набирало силу. В голове и сердце рождалась некая неясная пока идея, что-то размытое. В конце концов, Милана предложила бедняжке принять ванну и ложиться спать. Утро вечера мудренее. Дескать, завтра, на свежую голову, все и обсудим.

Милана провалялась ночь без сна. Она думала, думала, думала и приняла решение, не столь уж внезапное как могло бы показаться. Будучи человеком весьма здравомыслящим, Милана все же верила в судьбу и расценила ночной визит как знак. Поскольку никогда и ничего не происходит просто так, следовательно, пришло время. Утром она убежала на работу, а Варе оставила записку, с указанием непременно ее дожидаться, никуда не уходить.

Отработав смену, Милана сломя голову помчалась домой. Она выложила огорошенной, растрепанной Варе свою идею. Все было просто как дважды два; Варе ребенок не нужен. Аборт делать опасно, можно остаться без потомства или во-

все истечь кровью., да ни один врач и не возьмется за нее. Милана вспомнила собственную операцию, добровольный отказ от материнства. Она уже десятки раз пожалела об этом, к несчастью, тогда не нашлось никого, кто отговорил бы ее от этого опрометчивого шага. Жизнь длинная, сложная, непредсказуемая и кто знает, как она сложится. Варя не стоит отчаиваться, она обязательно встретит порядочного мужчину и родит еще десяток здоровых ребятешек. Этого же возьмет себе Милана. Она говорила жестко, без сантиментов. Предложила содержание и медицинскую помощь. Варя согласилась без промедленья, она увидела в Милане спасительницу, ангела, ниспосланного с небес. Кинулась было целовать ей руки, благодарить, но Королева пресекла ее, обрубила. Поскольку срок приличный, ждать оставалось недолго, Милана обещала помочь ей сделать так, чтобы родители, соседи, друзья и подруги из родного города о беременности не узнали. Рожать надлежало по паспорту Миланы. В этом случае не нужно будет возиться со всякого рода документами, лишняя огласка ни к чему. А чтобы разница в возрасте не вызвала вопросов, Милана предложила рожать у хорошей своей знакомой, с которой обещала договориться. Затем каждая из них заживет своей жизнью, словно бы ничего и не произошло. Варя посчитала предложение Миланы подарком судьбы, о подобном она и не мечтала. Кроме всего прочего Милана взяла на себя обязательство выплатить ей некоторую сумму и помочь с общежитием. Варя собира-

лась на следующий год поступать в институт, беременность, казалось бы, рушила все ее планы. Фортуна в лице Миланы улыбнулась ей возможностью жить полноценной жизнью молодой, ничем не обремененной девушки, мечтающей покорить большой город. Обсудив все детали, женщины остались довольны друг другом. Милана мастерски имитировала беременность на работе. Будучи прагматиком до мозга костей, она не пренебрегала ничем, придавала значение мелочам, старалась ничего не упустить. Когда до родов оставалась всего пара недель, Милана занялась поисками няни. Учитывая обширный и очень разноплановый круг своих знакомств, она преуспела довольно быстро. Ее познакомили с обаятельной теткой лет пятидесяти, всю жизнь проработавшую няней при младенцах до трех лет. Милана переоборудовала одну из комнат в детскую, приготовилась к событию в полной мере. Она сама себя не узнавала, но так или иначе, хлопоты доставляли ей невыразимую радость. Пришло время, и Варя родила крепкого здорового мальчишку, нарекли которого Ильей. Все прошло без сучка, без задоринки. Милана официально стала мамой. До последнего момента казалось, что что-то сорвется, не получится, пойдет не так, но обошлось. Новоиспеченная мама вздохнула с облегчением и расслабилась.

В ее доме поселился крошечный пищащий комок. Варя не настаивала на том, чтобы побыть какое-то время с сыном. Она рассталась с ним легко, без терзаний и тревог. Моло-

до-зелено.

Милана окончательно успокоилась, едва попрощавшись с горе-мамой. С этого момента жизнь ее круто перевернулась во второй раз. Впервые после смерти родителей, Милана почувствовала себя счастливой. Она невольно улыбалась всем и вся и спешила домой как никогда раньше. Илюша стал для нее всем. Она не могла нарадоваться на своего так неожиданно явившегося сынулю. Милана как будто летала, от нее исходило сияние, коллеги в центре не узнавали ее и все как один говорили о том, как к лицу ей материнство. Появился новый круг знакомств – мамочки с детской площадки. Милана и не подозревала, что может часами с упоением беседовать о памперсах, детском питании и способах облегчить страдания малыша в тот период, когда режутся зубки. Пожалуй, это было самое счастливое время в ее жизни за последние двадцать с лишним лет.

Илюша рос улыбчивым, приветливым, здоровым мальчиком. Он представлялся Милане самым красивым ребенком на свете. Она старалась сделать все от нее зависящее, чтобы малыш не нуждался ни в ласке, ни в игрушках, ни в развлечениях. Дни ее были наполнены работой в клинике, вечера и выходные, за редким исключением, принадлежали сыну. Она с удовольствием играла с ним, читала ему книжки, рисовала, лепила, словом, занималась его развитием и воспитанием как всякая любящая мать. Милана серьезно поговорила с Птицыным, и тот перестал заваливаться к ней без преду-

преждения. Он был страшно удивлен переменами, приключившимися в жизни его давней пассии. Однако отнесся с вниманием и даже уважением. Все же женщина без ребенка, вроде и не совсем женщина. Только став мамой, можно полностью реализовать себя. Птицын был в этом свято убежден. Илюша родился второго марта, Милана называла его подарком к женскому дню. Когда мальчику минуло три, Милана взяла отпуск и повезла его на море. Целый месяц она наслаждалась радостью Илюшки. Няня поехала с ними и Милана имела возможность отдохнуть впервые за несколько лет. Жизнь играла яркими красками, в душе воцарился покой и благодать. Но все хорошее имеет свойство очень быстро и неожиданно заканчиваться.

По возвращении домой ее ожидал неприятнейший сюрприз в образе Вари. Сказка кончилась, начинались будни. Варя поджидала ее у выхода с работы. Она заявила, что соскучилась по сыну и хочет его видеть. Милана возразила, что по документам ребенок ее и Варя никаких прав не имеет. Однако Варя уперлась, кричала, ругалась и Милане пришлось уступить, просто чтобы не привлекать к себе внимания. Они сели в машину и поехали в сторону Белорусской.

По дороге Варя говорила что-то о генетической экспертизе, она болтала и болтала без умолку. Из всего потока ее по большей части бессвязных слов, Милана поняла, что институт Варя бросила. Личная жизнь не очень-то заладилась, и о ребенке она вспомнила от безысходности. Ей нужны были

деньги. Только и всего. Милана мрачнела все больше, она прекрасно отдавала себе отчет в том, что таким сюрпризам не будет конца. Ей совсем не улыбалось становиться дойной коровой для этой простушки. Сейчас она удовольствуется тем, что Милана ей предложит, но когда она явится снова? Милана остановила машину и предложила встретиться через неделю. Она соберет денег и вопрос закроется. Зачем мол, лишняя суета? Поздно уже, Илюшке спать скоро, посторонний человек его взбудоражит, потом не уложишь. Затем Милана достала бумажник и отдала Варе все его содержимое, чуть больше пяти тысяч. На неделю этого хватит. Варя согласилась, но пригрозила оглаской в случае, если Милана вздумает обмануть. Сюжет до противного походил на плохое кино.

Милана отпустила няню и долго смотрела на спящего малыша. Она четко осознавала, что не позволит вить из себя веревки какой-то выскочке-дегенератке. Она слишком долго и мучительно шла к своему счастью, и путь этот не был устлан розами. Милана знала, как поступит. Всю неделю она тщательно готовилась, не посвятив в свои планы ни одну живую душу. Что знают двое, знает и свинья. План был безупречен и прост, как дважды два.

С Варей Милана созвонилась и договорилась встретиться у метро «Теплый стан». Милана сообщила, что неподалеку есть дивный рестораник с кавказской кухней. Она убедила

Варю сохранить мир, не горячиться, все обговорить спокойно, без спешки и нервов. Зачем пылить, если есть иные возможности уладить возникшие сложности?

Заднее сиденье джипа Милана аккуратно закрыла толстой полиэтиленовой пленкой, она приготовилась соврать что-то про химчистку, но Варя ничего не заметила. Машина мягко тронулась. Выехав за город, Милана сделала вид, что тачка заглохла. Она вышла, затем заглянула в салон и попросила Варю пересесть назад. Не ожидая подвоха, простодушная девушка спокойно перебралась на заднее сиденье. Милана села рядом и заблокировала двери. Варя что-то щебетала, когда Милана незаметно извлекла из кармана скальпель и молниеносным точным движением перерезала Варю горло от уха до уха. Варя инстинктивно схватилась руками за рану, глаза ее переполнились ужасом, казалось ее страх можно потрогать руками. Кровь хлынула ей на руки и грудь. Пока Варя агонизировала, цепляясь руками за воздух, Милана, сняла перепачканную кровью одежду и положила ее рядом с Варей, тут же она поместила начисто протертый скальпель. Внимательно, не торопясь, осмотрела себя на предмет пятен, вытерла руки и переделалась. Вскоре все было кончено, Варя затихла. Милана не глядя на нее, крепко спеленала ее пленкой. Из багажника она предварительно достала веревку и перевязала труп в ногах и голове. Завершив приготовления, Милана села за руль. Она спокойно ехала за город, как будто забыв о содеянном. Наконец, без происшествий, Милана добралась

до пункта назначения. К тому времени совсем стемнело, и она могла осуществить задуманное, не страшась невольных свидетелей. Оставив машину на обочине, Милана вытащила из машины тело Варвары. Оно оказалось тяжелое, но не настолько, чтобы Милана растерялась и запаниковала. Натренированные мышцы напряглись, Милана взвалила груз на плечо и, пружиня, направилась в лес. Недалеко от дороги она заранее выкопала яму. Бросив в нее Варю, Милана вернулась к машине за лопатой и топором. Сердце ее билось ровно, ни один мускул на лице не дрогнул. Она делала все быстро и аккуратно, не нервничая, не суетясь.

Милана закопала труп, предварительно раздробив обухом лицо и руки трупа. Женщина рассудила, что если тело найдут, то оно так и останется телом, еще одним неопознанным среди сотен таких же. Топор, лопату, одежду, Милана завернула в мешок и положила его на пассажирское сиденье. Через несколько километров раскинулось озеро. Милана прихватила еще один мешок, предусмотрительно набитый камнями и положила в него тот, что лежал рядом. Мешок она утопила и не уехала до тех пор, пока не убедилась в отсутствии следов. С Варей ее абсолютно ничего не связывало, даже биологический отец ее ребенка не знал об их отношениях. Он вычеркнул Варю из своей жизни, предоставив самой решать свои проблемы. Никто из знакомых Миланы понятия не имел ни о какой Варе, а те из них, кто видел девушку на той судьбоносной вечеринке, уже и помнить о ней забыли,

как если бы не знали вовсе.

Замкнутость Миланы, ее привычка скрывать все личное, сыграла ей на руку. Подъезжая к дому, Милана о Варе не вспоминала.

Утром Илюша пришел к ней в постель, началась суббота. Им предстояло провести вместе два полных выходных дня. Милана крепко прижала к себе теплое сонное, бесконечно родное и любимое тельце. Ее переполняла нежность и радость бытия.